

Юлия Беринг

Девушка жестокого мажора.

Ты назвал меня грязной лгуньей
перед всей академией!

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого мажора.
Ты назвал меня грязной
лгуньей перед всей академией!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого мажора. Ты назвал меня грязной лгуньей перед всей академией! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я учусь в элитном колледже искусств, а по ночам тайно мою полы, чтобы оплачивать обучение. Григорий Ланской, жестокий наследник антикварной империи, всегда смотрел на меня как на грязную прислугу. Но именно я спасла его бесценный фарфор от разрушения! А потом богатая дочь ректора подставила меня, обвинив в краже музейного экспоната. — Ты грязная лгунья, Ася! — произнёс Григорий перед всей комиссией. Меня отстранили от учёбы. Позже я узнала страшное. Он видел запись подставы! Знал, что я невиновна, но промолчал ради своей репутации! Теперь он предлагает деньги за моё молчание. Но я не продаюсь. Я верну своё имя, получу место в Эрмитаже и заставлю наследника пожалеть о предательстве!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юлия Беринг

Игрушка жестокого мажора. Ты назвал меня грязной лгуньей перед всей академией!

Глава 1

Запах хлорки въелся в кутикулы так глубоко, что никакое мыло не спасало. С утра я тёрла щёткой складку возле большого пальца. Теперь она саднила, а тёмная полоска всё равно осталась. Именно эту руку придётся положить на светлый стол рядом с чужими маникюрами. Сегодня был первый день семестра в Колледже искусств «Монмартр». И для всех остальных это было начало новой жизни, а для меня — начало последнего месяца перед отчислением, если я не найду способ оплатить реактивы для курсовой.

Я пыталась войти через служебный вход. План был прост: смешаться с толпой студентов-реставраторов, проскользнуть в аудиторию до звонка и стать одной из них. Пусть хоть раз никто не оглянется на моё ведро: сегодня я принесла конспект.

По договору стипендиатам запрещалось подрабатывать в самом колледже. Клининговая фирма платила мне за смены, а ректорат видел только фамилии студентов. Пока эти два списка не встретились, я могла и учиться, и есть.

— Пропуск, — голос дежурного охранника прозвучал как приговор. Он даже не посмотрел на моё лицо, только на бейдж уборщицы, который я по привычке забыла снять.

— Я студентка, — сказала я, чувствуя, как горит шея.

— В списке дневного отделения нет имени «Ветрова» с правом доступа к зоне персонала. Проходите через парадный.

Парадный вход встретил меня волной дорогого кофе, лака для волос и презрения. Здесь пахло деньгами. Я сунула руки в карманы. Дорогой кофе здесь пили на ходу; мне бы не разлить его, а тем, кто разливал, даже не приходило в голову остановиться. Я шла по мрамору, стараясь ступать мягко, чтобы не скрипеть подошвами дешевых кроссовок, которые казались мне теперь униформой неудачницы.

Аудитория реставраторов была светлой, высокой, с окнами во всю стену. У единственного свободного места возле окна сидела она. Солнце падало на стол, а возле стены можно было спрятать лицо в тень. Элина Руденко. Дочь ректора, королева курса и моя личная катастрофа. Она сидела, закинув ногу на ногу, и листала планшет, даже не подняв глаз, когда я попыталась сесть рядом.

— Ты их из помойки достала? — её голос был сладким, как отравленный мёд. Все головы повернулись. Я замерла, чувствуя, как кровь отливает от лица. — Эти кроссовки. Они же разваливаются. Неужели стипендия такая жалкая?

У соседки Элины дёрнулся рот. Она прикрыла его ладонью — с серебряным колечком, которое я с удовольствием заставила бы её отчищать самой. Хотелось ответить. Но я уже представляла, как в объяснительной останется только моя реплика, без Элининой. Вызов ректора означал конец. Мой отец бы умер от стыда, а мать лишилась бы последней надежды на мою успешность.

Я молча встала. Ноги гудели. Я пересела на холодный подоконник у радиатора, там, где дуло и пахло пылью. Элина усмехнулась, возвращаясь к своему планшету, победно, как кошка, загнавшая мышку.

Профессор Верещагин начал лекцию, но я не слышала слов. Я считала минуты. Когда он объявил тему первой курсовой — «Химическая очистка серебра», требующая доступа к закрытым лабораториям после шести вечера — внутри меня что-то оборвалось. Ключей у меня не было. Моя ночная смена уборщицы официально не давала прав на работу с оборудованием кафедры. Без доступа к реактивам я не сдам проект, без проекта лишусь гранта, а без гранта полечу на улицу.

Остаток дня прошёл, как в тумане: лекции сливались в один гул, а в голове крутилась одна и та же арифметика — реактивы, проект, грант, отчисление. Когда аудитории опустели и коридоры начали пахнуть вечерней уборкой, я наконец смогла выдохнуть: ночью от уборщицы никто не ждёт блеска в глазах.

Вечером, когда колледж затих, я переоделась. Серый комбинезон вместо платья, резиновые перчатки вместо рук. На дневном столе остался мой конспект. Вечером мне полагались ведро и норма: закончить до того, как охрана погасит коридоры. Если бы на комбинезоне вышили фамилию, они всё равно обращались бы «девушка».

Моя задача была убрать мастерскую №4 — ту, где работал Григорий Ланской. Наследник антикварной империи, лучший студент курса и человек, который смотрел на мир сверху вниз так, будто пол был ему отвратителен.

Я вошла тихо, надеясь сделать дело и исчезнуть. На столе стояла банка с растворителем, крышка которой была открыта. Жидкость разлилась тонкой лужицей, растекаясь по дереву столешницы, угрожая испортить его шедевр — незаконченную вазу из редкого фарфора, стоящую рядом.

Капля остановилась у самого основания вазы. В трещины растворитель затекает незаметно; потом владелец пожимает плечами: старая вещь, чего вы хотели. Я хотела, чтобы она пережила эту ночь. Я схватила тряпку, чтобы промокнуть капли, пока они не добрались до керамики.

— Что ты делаешь?

Голос был тихим, но от него у меня перехватило дыхание. Григорий стоял в дверях, темный силуэт на фоне коридорного света. В руках он держал стакан виски.

— Убираю, — прошептала я, не поднимая глаз.

— Это частная зона. Тебе запрещено здесь находиться без разрешения деканата.

Он сделал шаг ближе. Запах дорогих сигар и алкоголя ударил в нос.

— Если я сейчас позвоню ректору, тебя вынесут отсюда пинками. За нарушение техники безопасности и кражу материалов.

— Я ничего не крада! — возмутилась я, наконец поднимая голову. — Я спасала твою вазу от растворителя!

Григорий фыркнул. Его глаза, серые и холодные, скользнули по моему лицу, затем по рукам в резиновых перчатках.

— Спасала? Ты думаешь, твоя помощь стоит чего-то больше, чем твой статус? Ты грязная прислуга, которая путает мусор с искусством. Исчезни. Пока я не стал говорить громче.

Я вышла, дрожа от холода и унижения. За дверью я стянула перчатку и вцепилась ногтями в её мокрую резину. Он даже не наклонился проверить, добралась ли лужа до вазы. «Грязная прислуга» заметила то, что пропустил лучший студент.

Смена закончилась ни с чем: ни допуска, ни реактивов, только «грязная прислуга» вместо спасибо. В общежитии я долго не могла уснуть и прикидывала, к кому ещё можно пойти утром. Список получился коротким.

На следующий день я попробовала другой путь. Лаборант, старый дядя Петя, обычно шёл навстречу. Но сегодня он только покачал головой, пряча глаза.

— Ася, прости. Инструкции. Мне сказали, что слухи пошли. Говорят, ты... ну, ты не та, кем кажешься. Студентка, которая работает на черном рынке материалов?

Слухи. Элина постаралась. Или кто-то видел, как я выходила из служебных дверей.

— У меня нет денег на реактивы, дядь Петя, — сказала я ровно. — И нет допуска. Но мне нужно выполнить задание.

— Тогда учись нарушать правила, — он отвернулся.

Загнанная в угол, я приняла решение. Рискованное, глупое, самоубийственное. Я вернусь в мастерскую Григория ночью. Он часто задерживается там один. Я знаю его график лучше, чем расписание уроков.

Дождаться темноты оказалось самым трудным. Я перебрала в голове его вечер: последняя пара, потом мастерская, потом — если повезёт — никого. Из подсобки я взяла фонарик и старый пропуск уборщицы, который всё ещё лежал в кармане комбинезона.

Ночь была влажной. Дождь барабанил по стеклам, создавая белый шум, заглушающий мои шаги. Мастерская №4 была освещена только настольной лампой. Григорий сидел спиной ко мне, склонившись над той самой фарфоровой вазой. Он использовал кислоту. Сильную, едкую. По протоколу такие работы велись только в вытяжных шкафах с защитными очками и масками. Он снял маску. Он рисковал легкими ради скорости.

Я сделала шаг вперед. Пол скрипнул.

Григорий обернулся мгновенно, как хищник. В руке он уже сжимал скальпель.

— Ты опять? — его голос был ледяным.

— Ты нарушаешь технику безопасности, — сказала я, глядя прямо в его глаза. Не моргая. — Эта кислота разъест эмаль, если ты не снимешь состав немедленно. А ты медлишь.

Он замер. Посмотрел на вазу, потом на часы. Поставил скальпель на подставку, быстро снял нанесённый состав и включил вытяжку. Только после этого повернулся ко мне.

— Кто ты такая, чтобы указывать мне?

— Та, кто знает, что ты сейчас потеряешь грант фонда «Эрмитаж», если узнают, что наследник Ланской работает без вентиляции. Или тебя найдут здесь без сознания, потому что ты снова работаешь один.

Тишина натянулась, как струна. Мы стояли друг против друга: он — с властью, я — с пустыми руками и знанием его греха. Он достал телефон; большой палец завис над экраном. Я не отступила от стола: если уйду сейчас, он завтра запрет мастерскую, а я останусь без реактивов. Значит, сдать меня должно стать ему дороже, чем пустить к работе.

Но я увидела в его глазах не злобу. Я увидела панику. Быструю, подавленную, но настоящую. Он боялся не наказания. Он боялся быть пойманным в своей слабости.

— Давай сделку, — сказала я тихо.

Григорий хмыкнул и опустил телефон.

— Шантаж? Жалкий. У тебя нет доказательств.

— У меня есть глаза. И память. И рот, который может сказать слово «нарушение» ректору. Или... я могу помочь тебе с химией. А ты поможешь мне с курсовой: дашь легальный доступ к реактивам, используя свои связи. А я буду держать рот закрытым. И, возможно, спасу твою вазу от трещины, которую ты пропустил из-за спешки.

Григорий нахмурился. Он повернулся к вазе. Прищурился.

— Какая трещина?

— Микро-трещина на дне, слева. Ты пропустил её, когда наносил базовый слой. Если продолжишь травление, она разойдется. Твоя ваза станет мусором.

Он молча включил лампу посильнее. Наклонился. Его пальцы дрожали. Он увидел её. Ту самую линию, тонкую, как волосок.

Он выпрямился. Медленно. Лицо его изменилось. Он прикрыл пальцем трещину, словно ещё мог спрятать её от меня. Я едва удержалась от улыбки. Пусть прикрывает: линию на дне я уже запомнила.

— Лаборатория кафедры. Завтра. В шесть утра, — сказал он резко. — Если опоздаешь или ошибешься в оценке состояния вазы... Я уничтожу тебя одним звонком.

— Договорились, — выдохнула я.

Колени подогнулись, и я присела у стола, всё ещё глядя на него снизу вверх. Он протянул мне руку, помогая подняться. Его пальцы были ледяными, а взгляд — голодным. Я знала: я только что подписала контракт с дьяволом, и дьявол пах дорогим лаком и опасностью.

Глава 2

Григорий Ланской ушёл. Дверь хлопнула так, что с полки сорвался пластиковый флакон с этиловым спиртом. Я успела подхватить его у края стола и закрутила крышку; за дверью его шаги даже не замедлились. Когда они стихли, мне остался дорогой табак поверх резкого запаха спирта. Для него я была пустым местом, фоновым шумом пылесоса, который можно выключить щелчком пальцев.

Ни реактивов, ни допуска он мне ещё не дал. Назвать время встречи легко. Завтра он мог сделать вид, что впервые слышит о сделке, а я опять пошла бы просить дядю Петю.

Я расправила плечи. Спина заныла, напоминая о том, сколько часов я простояла на коленях, отмывая чужие ошибки. Я всё ещё держала ладонь так, будто в ней лежала его холодная рука. Хотелось отмыться. Вместо этого я взяла тряпку: кое-что с его стола стоило сохранить.

И начала протирать пол. Не весь. Только вокруг его рабочего стола. Там, где рядом с целой вазой валялись срезанные им крошки старой гипсовой заделки. Шершавые куски гипса цеплялись за ткань, оставляя на ней серые разводы. Крошки шуршали по ткани. Я подбирала даже мелкие: мало ли какой из них окажется достаточно убедительным для профессора. Я демонстративно собирала улики, которые могли выдать его тайную работу с фондовым предметом, и складывала их в карман своего грязного комбинезона. Пусть знает: я не дура. Я знаю, где он прячет концы.

Тишина стала оглушающей. Через минуту дверь снова открылась. Григорий вошёл бесшумно, как хищник, почуявший, что добыча не убегает. Его глаза, цвета мокрого асфальта, метнулись к моему карману.

— Ты думаешь, это смешно? — голос был тихим, но в нём звенела сталь.

Он схватил меня за запястье. Боль пронзила руку, пальцы сжались как тиски. Григорий потянул меня на себя, нависая всей своей массой. Я чувствовала биение его сердца через тонкую ткань рубашки — ровное, спокойное. А моё колотилось где-то в горле.

— Отпусти, — прошептала я, не отводя взгляда. Страх был, но я научилась глотать его вместе с пылью и химикатами.

— Ты понимаешь, чем ты рискуешь, Ветрова? Отчислением? Нищетой? — он давил на мои слабые места, словно пинцетом.

Я усмехнулась. Это было дерзко, почти самоубийственно, но мне нужно было перехватить инициативу.

— Регламент колледжа искусств, глава 14, пункт 3б, — произнесла я четко, глядя ему прямо в зрачки. — «Хранение артефактов вне фондовых хранилищ допускается только в присутствии лицензированного специалиста и при наличии журнала учета». У тебя нет лицензии на частную реставрацию, Григорий. И журнал ты не ведешь. А старую гипсовую заделку ты снимаешь без карты состояния предмета. Я собрала куски. Профессор сможет сравнить их с тем, что ты собирался замазать заново. Знаешь, какой это скандал? Твоя семья потеряет контракт с Эрмитажем.

Григорий замер. Его хватка ослабла, но не исчезла. Он смотрел на меня так, будто впервые увидел. Не уборщицу. Не стипендиатку. А человека, который читал правила мелким шрифтом там, где все остальные видели только картинки.

— Ты... ты знаешь детали процесса? — удивленно протянул он.

— Я вижу всё, потому что никто не считает нужным прятать свои секреты от прислуги, — ответила я, вырывая руку. — Мы можем закончить этот цирк.

Он отступил на шаг и долго ровнял манжету. Я смотрела на пуговицу, а не в его глаза: очень уж приятно было видеть, как он тянет время.

— Хорошо. Разойдемся миром. Сколько тебе нужно? Пять тысяч? Десять? Деньги решают проблему, когда они есть у обеих сторон. Просто исчезни из моей жизни. Никогда больше не приходи в эту мастерскую.

Он достал бумажник. Красный, кожаный, пахнувший деньгами и властью. На стол легла купюра. Крупная. Достаточно, чтобы закрыть дыру в бюджете этого месяца. Чтобы купить новые туфли вместо тех, что протекают дождями. Я успела прикинуть цену туфель и сколько останется на комнату. Купюра лежала в пределах руки. Ни одного унижительного похода заниматься у знакомых — вот чего он мне сейчас предлагал.

Но я посмотрела на деньги и почувствовала тошноту. За эти деньги он купит пустое место у верстака. В следующем месяце туфли останутся, а учёбы уже не будет. Я отвела руку от стола. Пусть лучше злятся на меня каждое утро в лаборатории.

— Мне не нужны твои гроши, Ланской, — сказала я жестче, чем хотела бы. — Мне нужна помощь с курсовой работой по химической очистке серебра. Тема сложная, преподаватель требует идеальной реакции. Ты лучший студент кафедры. Ты должен помочь мне.

Григорий рассмеялся. Коротко, злобно.

— Ты шутишь? Просить короля академии быть репетитором для уборщицы?

— Либо сделка, либо анонимный донос ректору завтра утром, — перебила я. Мой голос дрогнул, но слова были твердыми. — Я знаю твой секрет. Ты знаешь мой. Давай балансировать.

Он посмотрел на купюру и убрал её в бумажник. Я стояла на месте, пока он застёгивал кошелек. Теперь я ждала ответа про лабораторию.

— Лаборатория кафедры химии. Завтра в шесть утра, — бросил он, направляясь к выходу. — Опоздаешь — и можешь писать заявление об отчислении сама.

Выйдя из мастерской, я не могла вспомнить, как дошла до общежития: ноги шли сами, а в голове перестраивались все планы на неделю. Если завтра не опоздать. Если не ошибиться в оценке вазы. Если он не передумает за ночь. Вариант «передумает» я приказала себе не рассматривать.

На следующий день я стояла перед дверью лаборатории, чувствуя, как холодеют пальцы. Внутри пахло озоном и кислотами. Григорий уже был там. Он расставлял пробирки с маниакальной точностью.

— Заходи. И держи рот закрытым, если не хочешь получить ожог лица, — не оборачиваясь, сказал он.

Мы работали два часа. Григорий диктовал каждый шаг, проверяя меня на прочность. Он давал мне инструкции, которые противоречили друг другу, надеясь увидеть растерянность. Но я помнила уроки матери, которая работала медсестрой, и собственные наблюдения за тем, как старшие студенты портят реактивы.

Когда он протянул мне банку с концентрированной соляной кислотой, сказав «добавь пять миллилитров», я проверила этикетку. Концентрат. Не тот разбавленный раствор, что стоял в методике. Он ждал, держа банку передо мной. Хотел увидеть, как я послушно испорчу образец?

Я инстинктивно отшатнулась, прижавшись спиной к столу. Сердце ушло в пятки. Но паника длилась секунду. В подсобке я привыкла читать этикетки, даже когда меня торопили. Чужое «лей» не меняло состав в бутылке. Здесь за послушную спешку пришлось бы платить серебром.

— Вы дали мне концентрат вместо рабочего раствора, — спокойно сказала я, хотя руки дрожали. — Или вы хотите, чтобы образец испарился вместе с моими лёгкими?

Григорий повернул банку этикеткой к себе. Я не подсказывала, где смотреть: пусть сам прочитает цифры, которые сунул мне под нос.

— Ты проверила концентрацию? — спросил он тихо.

— Опыт работы с бытовой химией учит чувствовать опасность раньше, чем увидишь дым, — парировала я. — Дайте мне рабочий раствор. Этот я не открою.

Он повиновался. Когда он заменил банку и обработанный образец приобрёл нужный матовый блеск, Григорий выдохнул. Впервые за время нашего знакомства он выглядел не победителем, а человеком, который признал силу соперника.

В этот момент дверь лаборатории распахнулась.

Элина Руденко вошла, как ураган в дизайнерском пальто. Её губы были намазаны алой помадой, глаза блестели от предвкушения чужого позора. Она остановилась, осмотрев нас: Григорий в белом халате, я в своем рабочем комбинезоне, оба склоненные над одним столом.

— О-о-о, — протянула она сладко, как отравленный мёд. — Гриша, я не знала, что у тебя такое новое хобби. Дрессировка бродячих кошек? Или ты наконец-то взял помощницу, которая будет тереть твои сапоги?

Коридор заполнился её смехом. Другие студенты, проходившие мимо, замедлили шаг. Я чувствовала, как кровь приливает к лицу, как унижение жжет щеки. Старая рана: «ты недостойна здесь находиться».

Григорий открыл рот, чтобы ответить ей колкостью, но я опередила его. Я не опустила глаз. Пусть видит мои горящие щёки. Я повернулась к Элине, вытирая руки о тряпку, и посмотрела на неё так, будто она была плесенью на стене.

— Кошки лучше чувствуют фальшь, чем некоторые люди, Элина, — сказала я ровно, без эмоций. — А те, кто трет сапоги, обычно знают, куда наступить, чтобы стало больнее. Может, займешься своими проектами? Пока комиссия не заметила, что твой последний доклад списан из интернета?

Один из студентов в коридоре перестал улыбаться и посмотрел на Элину. Вот это она заметила сразу. Прижала губы, бросила на него злой взгляд — уже не на меня. Она развернулась и ушла, хлопнув дверью так, что стекло затряслось.

Я выдохнула. Руки продолжали дрожать, но теперь от облегчения. Она ушла, а я осталась у рабочего стола. Не в коридоре с ведром — здесь. Я развернула к себе образец и впервые за утро рассмотрела его без чужой головы над плечом.

Глава 3

Григорий подошел ко мне вплотную. Так близко, что я чувствовала запах его парфюма — сандал и табак — и лёгкий аромат страха, исходящий от него самого. Он схватил меня за подбородок, заставляя посмотреть вверх.

— Ты играешь опасную игру, Ветрова, — прошипел он. — Твоя дерзость перед Элиной была глупостью. Теперь она будет следить за нами. Наш договор под угрозой. Я хочу расторгнуть его. Сейчас.

— Нет, — сказала я, убирая его руку. — Элина уже всё поняла.

Григорий нахмурился.

— Что именно?

— То, что я не боюсь её. И то, что я не одна. — Я сделала шаг назад, оценивая его реакцию. — Она видела нас вместе. Теперь, если пропадет тот фарфор, о котором ходят слухи в аудитории, никто не подумает, что это сделала тихая уборщица. Все будут думать, что за мной стоит ты. А ты никогда не позволишь себе быть замешанным в краже, потому что это разрушит твоё наследие.

Он посмотрел на дверь, за которой исчезла Элина, и убрал подбородок чуть дальше от моего лица. Я выждала. Пусть сам посчитает, сколько слухов родится из её утреннего визита.

— Ты использовала меня... как щит? — спросил он недоверчиво.

— Я использовала ситуацию, — поправила я. — Шантаж работает в обе стороны, Ланской. Теперь ты защищаешь меня от Элины, просто находясь рядом. Это часть сделки.

Он долго смотрел на меня. Затем перевел взгляд на мои руки. Они были красными после ночной уборки, кожа стянулась, ногти короткие, обломанные. Я убрала ладони подальше от края стола. Не хватало ещё, чтобы начал рассматривать, как диковинку, или снова схватил.

Григорий вдруг усмехнулся. Это была странная, кривая улыбка, лишённая обычной язвительности. В ней было уважение. И страх.

— Ты не уборщица, Ветрова, — сказал он тихо, почти одними губами. — Ты кто?

Свет в лаборатории мигнул. Один раз. Два раза. Потом лампа перегорела, и нас поглотила абсолютная темнота. В темноте мне уже не было видно, усмехается ли он. Я слышала его дыхание. Он слышал моё.

Я не двинулась к выходу. В темноте он тоже остался возле стола — рядом со мной и с работой, к которой уже допустил. Завтра ему придётся снова терпеть мои замечания. От этой мысли мне стало почти весело.

Договор продержался дольше, чем я рассчитывала. Через несколько вечеров Григорий позвал меня в мастерскую реставрации — туда, где держали вещи из фондового хранилища, — и объявил об этом так, будто делал мне одолжение.

Воздух в мастерской реставрации был густым, как старый сироп, и пах медью, канифолью и моим страхом. Мы стояли у длинного стола из мореного дуба, освещенного единственной настольной лампой с абажуром цвета яичной скорлупы. Григорий Ланской, капитан нашего курса и будущий владелец антикварной империи, смотрел на серебряный подсвечник XVII века так, будто это было сердце мира, которое он боялся раздавить одним неосторожным взглядом.

— Протри поверхность, — бросил он, не поднимая головы. Ногтем придерживал край чертежа, будто я была ещё одним инструментом на столе. — Идеальная чистота. Ни пылинки. Ни жира. Реактив ляжет только на обезжиренную поверхность металла.

Я взяла мягкую фланелевую тряпку, пропитанную спиртом, и начала круговые движения. Пальцы сводило от холода: обогреватель в старом крыле снова барахлил, и сквозняк гулял по щелям между оконными рамами. Но моя проблема была не в пальцах. Проблема была в том,

что прямо под левым лепестком гравировки, где должна была начаться химическая реакция, виднелась микроскопическая царапина. Не глубокая, но достаточная, чтобы реактив «потек» по ней неровно, оставив пятно, которое испортит всю работу.

Григорий заметил мою заминку. Он поднял голову, и его серые глаза сузились.

— Ты чего? Работаешь медленно. У нас мало времени до того, как охранник сделает обход.

— Там дефект, — сказала я тихо, указывая кончиком пинцета на царапину. — Если мы нанесем состав сейчас, он соберется в канавке. Будет пятно. Нужно сначала локально отполировать этот участок микроабразивом.

Григорий хмыкнул. Пинцет оставался у меня над царапиной. Он смотрел на него, но признавать, что я заметила что-то раньше него, явно не собирался.

— Инструкция говорит о равномерном нанесении. Никаких дополнительных манипуляций. Ты будешь спорить с методикой моего деда или просто делать то, что тебе говорят?

Сердце колотилось где-то в горле. Отказ подчиниться мог означать конец сделки. А конец сделки означал разоблачение. Но пятно на артефакте означало позор и для него тоже.

— Я не буду касаться предмета, пока ты не признаешь ошибку, — произнесла я твердо, откладывая тряпку на стол. Голос дрожал, но я не отступила. — Твои деньги могут купить молчание ректора, но они не купят мне совесть. И если работа испорчена из-за твоего высокомерия, шантаж теряет смысл. Я не буду рисковать своей шкурой ради твоего эго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.